

ждает неадекватность системы членов предложения и их критериев синтаксической действительности. Надо ли напоминать другие приводившиеся в литературе примеры разнообразных русских предложений, не содержащих ни глагольного сказуемого, ни канонического подлежащего в именительном падеже, что не мешает им быть полноценными, не зависимыми от контекста, единицами коммуникации: *На улицах ни души; Звезд — без счета; Забот — выше головы; Воды — по щиколотку; Ему за сорок; У каждой по ребенку, а у кого и по два; С бумагой туго; Душе не до сна.* В каждом из этих предложений непредвзятый анализ обнаружит регулярные модели, организованные двумя взаимно обусловленными компонентами, которые выражены определенными словоформами с определенным значением и связаны предикативными отношениями³. Если перед нами выбор — разбирать «по членам предложения» или увидеть реальный состав моделей, интересы познания встанут на сторону реальности. С новой очевидностью убеждаемся, что сеть членов предложения плохо служит улавливанию его конструктивных основ.

Возникает вопрос: чем же объясняется, с одной стороны, устойчивость, живучесть теории членов предложения, а с другой стороны — ее неизбывные противоречия? По-видимому, и для того, и для другого должны быть веские основания. Чтобы их обнаружить, надо разобраться, какие реальные явления языкового устройства стоят за привычными терминами членов предложения.

Структура предложения формируется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом — связь его с процессом мышления. Будучи «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли», предложение выражает сообщение о действительности⁴. Акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен: о чем-то сообщается что-то, некоторому субъекту приписывается некий предикативный признак. Субъекту и предикату мысли-суждения в структуре предложения соответствуют, как правило, два его организующих центра, или два «главных члена», обозначающих носителя предикативного признака и предиктируемый признак. Двучленность, двусоставность предложения, таким образом, — его необходимый признак постольку, поскольку предложение служит выражением акта мышления. Этот признак является общим для всех предложений. Предикативность, характеризующая каждое предложение, и означает предикативное отношение между структурными опорами мысли-предложения — субъектом и предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица.

На основании изложенного автор статьи приходит к необходимости отказать от признания в своих прежних работах односоставных предложений, хотя и сведенных им к минимуму и вызывавших колебания в интерпретации (см.: «Очерк функционального синтаксиса», с. 83—86 и др., «К типологии простого предложения». — «Вопросы языкознания», 1978, № 3). Такому решению способствовали и работы С. Н. Цейтлин и М. Гиро-Вебер. До сих пор не обращалось внимание на то, что в привычных формулировках об отнесенности к действительности всякого предложения, выражаемого в предикативных категориях, и о непосредственной отнесенности к действительности единственного понятия или представления, содержащегося в односоставном предложении, значение слов «отнесенность к действительности» различно: предикативность выражает соотнесенность содержания предложения с внеязыковой действительностью вообще, смысл

³ Ср.: «Хотя многие из подобных предложений по традиции относят к односоставным, их двучленность, если отрешиться от представления о подлежащно-сказуемой двусоставности, в общем не может вызывать сомнения» (Шмелев Д. Н. Указ. соч., с. 146).

⁴ См. Виноградов В. В. Введение в синтаксис. — Грамматика русского языка, 1954, т. II, ч. 1, с. 65.